Почему мы живем, если в конце концов умираем?

Я снова и снова задаю себе этот вопрос. Люди всегда говорят, что жизнь — это не гонка к финишу, но я с этим не согласна.

Я имею в виду, будь это, то, как объяснить, что бесчисленные знаменитости умирают от передозировки? А как насчет коррумпированных политиков, которые постоянно переступают грань, заключая незаконные сделки?

Вот почему я считаю, что цель всей жизни - смерть. Особенно для ныряльщиков с обрыва. Люди чувствуют себя наиболее живыми, когда находятся в опасности. Это адреналин, который прокачивается через ваше тело и дает вам дофаминовый кайф, как ничто другое.

Поверьте мне. Самыми счастливыми моментами в моей жизни, несомненно, были последние несколько секунд перед тем, как я упала на землю.

Но если это так, то почему я плачу?

Я вытерла слезы с лица, но они продолжали литься. Непрерывно. Это было похоже на попытку остановить потоп с помощью половицы.

Это просто не сработает.

Но теперь слишком поздно сожалеть, не так ли? Я уже все оставила позади. Я укрепляла свою решимость, полностью уверенная в том, что не разочаруюсь ни на одно мгновение из этой ужасной жизни, где бы я ни оказался.

Но вот я здесь, наконец-то позволяю своим эмоциям проявиться.

Какой же я раздолбай. Какое лицемерие.

Даже в смерти я совершенно бесполезен.

– Но ведь это не обязательно должно быть так, не так ли?

Я посмотрела вверх, в бескрайнюю тьму. Там надо мной спускалось одинокая сущность чистого белого цвета.

Это был оттенок белого, которого я никогда раньше не видела. Если пустота вокруг меня имела абсолютное право называть себя «черным», то это сущность имела абсолютное право называться «белым».

Она была настолько безупречной, что где-то внутри я знала ее истинную природу.

И все же я не могла с этим смириться.

Как я могла?

Как я могла допустить, что существо, которое изначально бросило меня в этот ад, было таким непогрешимым?

Как я могла согласиться с тем, что оно было совершенно?

Я не могла. Несмотря ни на что, я не могла с этим смириться. Даже если сама суть моего

существования кричала мне, чтобы я склонилась, преклонилась перед этой тысячекрылой сущностью, которая медленно спускалась из небытия, я никак не могла сдаться.

Я бы никогда не сдалась.

Она была моим главным врагом. Самой противоположностью всего того, против чего я боролась. Даже если бы меня в этот самый момент ввергли в полное забвение в качестве наказания за неповиновение, я должна была стоять на своем.

Я уставилась на сущность, которую могла описать не иначе как "Бог". Он спускался с изяществом, которое, мягко говоря, было ошеломляющим. Это было воплощенное совершенство. Кто я такая, чтобы утверждать обратное?

Несмотря на это, я вызывающе смотрела, как он приземляется на несуществующую поверхность пустоты. Это было странно, правда.

В этом месте не было ни верха, ни низа. Ни какой-либо иной стороны. И все же этот Бог теперь был совершенно параллелен моему положению.

Ох, как глупо с моей стороны. Это было совсем не странно. Это же Бог, в конце концов.

Пустота покрылась рябью, словно в спокойный бассейн с водой попал шальной камешек, и от этой ряби исходила неугасимая белизна.

Это была та же великая белизна. Тот же белый цвет Бога.

Это жидкое совершенство омывало тьму, в которой я находилась, и впервые я, наконец, заметила его.

Мое жалкое тело.

Оно было непригодным для обитания в этом пространстве. Недостойно даже стоять в присутствии Бога.

Красота человеческой фигуры была субъективной. Одних интересовали большие сиськи, других - большие задницы. И все же были люди, которых привлекали гораздо более... специфичные черты.

Но, глядя на мое изуродованное тело сейчас, не было ни одной души, которая могла бы назвать его красивым. Половины моих внутренних органов не было. Разбиты при падении. Мои кости торчали в тысяче разных мест, за-то у меня наконец-то выросли крылья, пусть и в виде грудной клетки.

Это было чудо, что я вообще смогла заплакать. И тем более вытереть слезы.

Но, опять же, я не чувствую боли. В темноте, которая все заслоняла, мне не пришлось наблюдать за этим отвратительным зрелищем.

Никто бы не смог назвать его красивым.

– Но я могу. – Сказал Бог.

Я знала, что он говорит правду. Как же иначе? Это же Бог.

Но даже в этом случае я не могла с этим смириться.

Я была изуродована до невозможности.

Душа, пригодная только для самых черных дыр.

– Тогда я спасу тебя. – снова заговорил Бог.

В моей груди проросло семя. Из него - цветок, а из цветка - корни. Они распространились по всему ужасному месиву, которое едва ли можно было назвать моим телом.

Но я не чувствовала боли. Единственное, что я чувствовала, это тепло. Оно проникало в каждый дюйм моего существа и снова собирало меня воедино. Я не была целой, но мое тело больше не представляло собой массу запёкшейся крови.

Опять же, я никогда не была целостной. Я восхищался своим восстановленным телом. Как будто прыжка и не было. Как будто я никогда не делала тот единственный выбор, на который имела право.

Обычно любой разумный человек сразу же встал бы на колени и поблагодарил Бога за то, что Он так милостиво восстановил его тело из того состояния, в котором находилось мое.

Вместо этого из моего рта стали вылетать только оскорбления. Не знаю, как долго я ругала сущность, которая бережно собрала меня обратно, но она терпеливо ждала с самой нежной улыбкой.

Как будто Он понимал каждую секунду боли, которую я испытала. Как будто Он тоже испытал такую боль раньше.

И, блять, это меня просто взбесило.

Но даже в этом случае, перед сущностью, которая определяет бесконечность, мой гнев был конечен. В конце концов, мой список претензий оказался недостаточно длинным, чтобы превзойти терпение Бога.

Я сомневаюсь, что чей-то список может это сделать.

– ...Так какого хера тебе от меня нужно? – Наконец сказала я, глядя Богу прямо в глаза. Хотела бы я стереть эту веселую ухмылку с его лица, но я сдержалась.

Сначала я должна была узнать, что приготовила для меня моя Примадонна-мучительница.

http://tl.rulate.ru/book/74813/2581367